

НА ПАМЯТЬ

О ПОКОЙНОМЪ О. ПРОТОІЕРЕЕ Д. І. КРЫЛОВѢ.

Саратовская епархія недавно лишилась одного изъ самыхъ благоразумныхъ, усердныхъ и опытныхъ дѣятелей: 16 сентября сего года скончался о. протоіерей Саратовской Вознесенско-Горянской церкви Димитрій Іоакимовичъ Крыловъ. Извѣстный начальству, всему городу и всему епархіальному духовенству при жизни своей, покойный отецъ протоіерей вполне заслуживаетъ, чтобы память о немъ не угасла и по смерти его.

О первыхъ годахъ жизни покойнаго извѣстно не многое. — Родился онъ въ 1816 году, отъ бѣдныхъ родителей. Осиротѣвъ въ малолѣтствѣ, онъ долженъ былъ своими трудами изыскивать себѣ средства къ содержанію. Обучаясь въ семинаріи, онъ своими способностями, усердіемъ къ занятіямъ и отличнымъ поведеніемъ скоро обратилъ на себя особенное вниманіе тогдашняго ректора семинаріи о. Архимандрита Никодима и преосвященнѣйшаго Іакова. О. ректоръ взялъ его жить къ себѣ; а преосвященнѣйшій вскорѣ назначилъ его старшимъ надъ пѣвчими своего хора. Будучи любимъ начальствомъ, мальчикъ Крыловъ не забывался и не ослабѣвалъ въ успѣхахъ; напротивъ, милостивое вниманіе начальства поощряло его къ большимъ трудамъ и занятіямъ науками. При такихъ обстоятельствахъ, юноша Крыловъ рано развился, созналъ достоинство труда, прибрѣлъ здравый смыслъ, сознательный и самостоятельный взглядъ на вещи и твердость въ убѣжденіяхъ, чѣмъ покойный отличался

во всю свою послѣдующую жизнь. — По окончаніи курса семинаріи въ 1836 году, ему немедленно предоставлено было священническое мѣсто за Волгою въ Николаевскомъ уѣздѣ въ селѣ Глушицѣ. Недолго пробылъ онъ тамъ, но надолго сохранилъ память о первомъ мѣстѣ своего служенія. Покойный любилъ вспоминать о Божіемъ храмѣ своего перваго прихода, — о любимыхъ имъ прихожанахъ, которыхъ онъ скоро счумѣлъ привязать къ себѣ, — о привольныхъ мѣстахъ завожскаго края. — Просвѣщенный взоръ проникательнаго архипастыря скоро замѣтилъ молодаго пастыря и въ отдаленномъ углу епархіи и отличилъ его отъ другихъ: молодой священникъ Крыловъ вызванъ былъ въ 1840 году въ губернской городъ Саратовъ и назначенъ для служенія къ Петропавловской церкви, а затѣмъ въ 1845 году опредѣленъ настоятелемъ къ Вознесенско-Горянской церкви, при которой и состоялъ до конца своей жизни. Въ 1849 году онъ опредѣленъ былъ членомъ Саратовской духовной консисторіи, гдѣ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и честныхъ тружениковъ. Своею неутомимою дѣятельностію, здравымъ смысломъ, просвѣщенною опытностію, онъ постоянно обращалъ на себя милостивое вниманіе всѣхъ Саратовскихъ архипастырей. Преосвященнѣйшій Аѳанасій въ 1848 году отличилъ его набедренникомъ; при томъ же преосвященнѣйшемъ въ 1854 году награжденъ онъ былъ скуфьею; въ 1859 году при преосвященнѣйшемъ Іоанникіи 1-мъ награжденъ камилавкою; въ 1863 году получилъ золотой наперсный крестъ; наконецъ въ 1868 году при преосвященнѣйшемъ Іоанникіи 2-мъ возведенъ въ санъ протоіерея. Такое постоянное восхожденіе покойнаго отъ славы въ славу,

отъ почестей къ почестямъ, такое постоянное вниманіе къ нему преемствовавшихъ архипастырей много говоритъ о достоинствахъ почившаго.

Но его достоинства могли бы показаться односторонними, еслибъ онъ заслуживалъ вниманіе только начальства. Къ большей чести покойнаго надобно сказать, что его уважали, высоко цѣнили и его сослуживцы по консисторіи и по церкви. Безъ него не рѣшалось ни одно важное дѣло; къ его опытнымъ совѣтамъ обращались при всякомъ важномъ случаѣ; ему давались разныя важныя порученія. Бывшіе товарищи его по служенію церкви, всѣ и всегда, относились къ нему съ необыкновеннымъ уваженіемъ. Такова была сила характера покойнаго; такъ авторитетны были его внутреннія достоинства. Одинъ изъ бывшихъ товарищей его по служенію нерѣдко повторялъ: «Какой товарищъ-то былъ! Семнадцать лѣтъ мы съ нимъ вмѣстѣ жили и ни однажды размолвки между нами не было!»—Другой товарищъ его говорилъ: «Какой человекъ-то былъ! Какой характеръ-то! Великій характеръ!»—Даже низшіе члены причта, имѣвшіе меньшую возможность понять и оцѣнить достоинства покойнаго,—даже простые служители церковные, питали къ нему глубокое уваженіе.—Прихожане его церкви, изъ которыхъ бѣльшая часть были его духовныя дѣти, имѣли къ нему поистинѣ дѣтскую привязанность. Они оказывали ему всѣ знаки уваженія; съ нимъ обо всемъ совѣтывались; ему открывали свои нужды, сомнѣнія и надежды; за счастье почитали видѣть его въ своемъ домѣ.—Но и онъ любилъ всѣхъ своихъ прихожанъ, особенно своихъ духовныхъ дѣтей. Въ часы свободные отъ служебныхъ

обязанностей, онъ имѣлъ обыкновеніе иногда посѣщать, хоть на нѣсколько минутъ, духовныхъ чадъ своихъ. Но и нѣсколько минутъ онъ умѣлъ дѣлать знаменательными. Его совѣты, замѣчанія, назиданія, дѣлаемые всегда съ отеческою кротостію и пастырскою твердостію, западали глубоко въ душу посѣщаемыхъ имъ и надолго оставляли глубокіе слѣды. «Это самъ батюшка Дмитрій Акимовичъ сказалъ! «Такъ сдѣлать присовѣтовалъ самъ Дмитрій Акимовичъ! Это одобрилъ самъ батюшка Дмитрій Акимовичъ!» — Такія и подобныя выраженія очень часто приходилось слышать отъ близкихъ къ нему людей.

И не очень близкіе къ нему не менѣе цѣнили его. При разныхъ преобразованіяхъ, послѣдовавшихъ въ последнее время, дѣло не обходилось безъ отца Дмитрія. Когда учреждены были Училищные Совѣты, онъ избранъ былъ въ число членовъ Саратовскаго Училищнаго Совѣта, гдѣ былъ поистинѣ мудрымъ совѣтникомъ. Когда открылись выборы по вѣдомству духовному, его каждый разъ желали выбрать въ должность Благочиннаго, отъ которой покойный каждый разъ самъ отказывался. Его каждый разъ избирали въ уполномоченнаго отъ духовенства г. Саратова на Собранія Духовенства Саратовскаго Училищнаго Округа; а на этихъ собраніяхъ его избирали въ Предсѣдателя. И надобно было видѣть, чтобы понять, какъ онъ трудился въ этихъ кратковременныхъ по числу дней, но долговременныхъ по числу часовъ, собраніяхъ, на которыхъ должны были рѣшаться не малочисленные весьма важные вопросы. Ему приводилось выслушивать и соображать различныя мнѣнія и замѣчанія, предложенія и рѣшенія, соображенія и вычисления,

Проекты и правила, приводить ихъ въ порядокъ и единство и излагать на бумагѣ, и въ этомъ проводить по полусуткамъ времени, почти не вставая съ мѣста. Въ одно изъ таковыхъ засѣданій онъ чрезъ мѣру утомился и сильно простудился. Съ тѣхъ поръ здоровье его стало замѣтно ослабѣвать. Но и послѣ того болѣе года онъ кое-какъ перемогался. Регулярный, аккуратный, весьма осторожный образъ его жизни, какой всегда онъ велъ, подавалъ надежду на поправленіе его здоровья. Но предъ весною нынѣшняго года онъ вдругъ почувствовалъ себя въ опасномъ положеніи: у него сдѣлалось воспаленіе въ легкихъ. Болѣзнь была очень опасна. Молитвы его родныхъ, близкихъ и знакомыхъ, при пособіи врачей, на этотъ разъ воздвигли болящаго отъ одра-болѣзни; но прежняя мощь тѣла уже навсегда оставила его. Только крѣпость его духа, сила воли подвигали его ослабленное тѣло на обычную ему дѣятельность. Съ большимъ трудомъ доходилъ онъ до консисторіи, съ которою сроднился въ продолженіи двадцатилѣтней своей службы въ ней, хотя теперь уже не могъ заниматься тамъ дѣлами съ прежнимъ успѣхомъ. Съ необыкновенными усиліями доплетался онъ до своего приходскаго храма для совершенія въ немъ обычныхъ священнодѣйствій,—хотя и здѣсь болшею частію силы измѣняли его. Во время посѣщенія прошлымъ лѣтомъ г. Саратова Высочайшими Осовами, ему хотѣлось насладиться лицезрѣніемъ ихъ; не смотря ни на что, онъ вмѣстѣ съ другими явился въ Кааедральный Соборъ для встрѣчи Высокихъ Посѣтителей; но силы его и здѣсь не выдержали: не дождавшись прибытія Ихъ Высочествъ, онъ по слабости силъ долженъ былъ, къ прискорбію своему,

отправиться домой. Тяготясь мыслию о томъ, что онъ занимаетъ должности, но въ большинствѣ случаевъ, по слабости здоровья, не можетъ исполнять своихъ обязанностей, покойный говорилъ: «Дождусь осени, и если не будетъ мнѣ лучше, подамъ въ отставку.... «что обременять другихъ?!»

Отставка, дѣйствительно, послѣдовала, хотя и не такимъ способомъ, каковой извѣстенъ въ жизни. Въ началѣ минувшаго сентября онъ совершенно слегъ въ постель, съ которой уже не вставалъ. Обнаруживалась новая болѣзнь, давно таившаяся въ немъ, предъ которою теперь остались тщетными всѣ усилія опытныхъ врачей, — аневризмъ въ правой ногѣ. 14 сентября онъ исповѣдывался; утромъ 15-го приобщился Святыхъ Таинъ; за тѣмъ весь этотъ день былъ веселъ и покоенъ; принималъ посѣтителей, покойно разговаривалъ съ ними, просилъ не забывать его. Къ одиннадцати часамъ ночи заснулъ и — уже мало просыпался. 16 числа утромъ было совершено надъ нимъ таинство Елеосвященія, послѣ чего онъ совершенно заснулъ, закрылъ глаза на вѣки, хотя дыханіе его продолжалось еще до трехъ часовъ полудня.

Такъ, къ прискорбію всѣхъ, угасла жизнь отца протоіерея Димитрія! Печальные протяжные звуки большаго колокола приходской его церкви, послѣдовавшіе въ три часа дня, возвѣстили городу объ уtratѣ дорогаго человѣка, попечительнаго, пользовавшагося довѣренностію, пастыря, мудраго совѣтника, честнаго и опытнаго дѣятеля, любвеобильнаго отца немалочисленнаго (*) семейства.

(*) Послѣ о. протоіерея остались въ семействѣ: его жена, сичъ обучающаяся въ семинаріи, двѣ взрослыхъ дочери и дочь вдова съ своею дочерью.

Немедленно, по кончинѣ отца протоіерея, стали стекаться къ нему любящіе его, на послѣднее цѣлованіе. И теперь-то, болѣе, чѣмъ при жизни его, оказалось, какъ любили и уважали его! Въ продолженіе всего времени, пока бездыханное тѣло его еще не было предано землѣ, со всѣхъ сторонъ города стекались къ нему почитатели памяти его; съ ранняго утра до глубокаго вечера комнаты, гдѣ лежало тѣло почившаго, полны были народа. Въ день погребенія, переулочъ, гдѣ была квартира почившаго, съ утра полонъ былъ народъ, не имѣвшаго возможности помѣститься въ домѣ. Гробъ несли, изъ квартиры до церкви и послѣ отпѣванія отъ церкви до квартиры, протоіерей и іереи. Заупокойную литургію совершали семь священнослужителей, за выбытіемъ Преосвященнаго въ Кіевъ, подъ предстоятельствомъ о. кафедральнаго протоіерея. Обширный помѣстительный храмъ едва вмѣщалъ въ себѣ благочестивыхъ чтителей покойника. За литургією въ обычное время сказано было приличное случаю и обстоятельствамъ поученіе. При окончаніи отпѣванія, въ которомъ участвовали болѣе двадцать протоіереевъ и іереевъ съ большимъ числомъ діаконовъ, началось послѣднее цѣлованіе. Желавшихъ проститься съ покойнымъ было такъ много, что не было возможности всѣмъ исполнить этотъ долгъ. По выносѣ тѣла изъ церкви, его сопровождало безчисленное множество народа, наполнявшаго Московскую улицу. Предъ квартирою покойнаго совершена краткая литія, во время которой народъ не переставалъ толпиться у гроба, со слезами лобызая руку почившаго. Тоже было во время литій предъ Потропавловскою церковію и предъ домомъ покойнаго; желавшіе воздать ему послѣднее

поклоненіе и цѣлованіе являлись съ разныхъ концевъ города и надолго останавливали торжественное шествіе тѣла почившаго къ мѣсту его покая. На протяженіи всего немалаго пути отъ церкви до кладбища многочисленные читатели покойнаго не переставали окружать гробъ его, сопровождая его до могилы.

Горестна утрата, но назидательна кончина! Велика потеря, но честна и почтенна смерть!—Что побуждало разныхъ сословій жителей г. Саратова постоянно окружать гробъ почившаго въ продолженіе трехъ дней? Что заставляло бывшихъ прихожанъ покойнаго доставлять все нужное для приличнаго погребенія его? *) Что влекло священнослужителей, въ продолженіе трехъ дней, постоянно являться къ почившему и совершать погребальное пѣніе надъ нимъ? Что соблаго ихъ всѣхъ къ совершенію послѣдняго отпѣванія его? Что подняло изъ своихъ жилищъ эти толпы народа, занимавшаго площадь и улицу и даже затруднявшаго шествіе тѣла почившаго? Что влекло ихъ ко гробу и заставляло лобызать помертвѣвшую руку почившаго и орошать ее слезами? Что вызывало громкія рыданія, которыя слышались то съ той, то съ другой стороны гроба?

Честна предъ Господомъ и людьми смерть преподобныхъ его!

*) Покойникъ о. протоіерей жилъ очень скромно; но не оставилъ послѣ себя никакихъ средствъ не только для безбѣднаго содержанія осиротѣвшаго семейства, но и для приличнаго погребенія.